

СИТУАЦИЯ НА РЫНКЕ УГЛЕВОДОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА И ПУТЕЙ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

Фейгин В.И., к.ф.-м.н., главный директор Фонда
“Институт энергетики и финансов”

Как отметил И.И. Сечин, на рынке газа в Европе сейчас действует сложная комбинация факторов, которая привела к снижению наших поставок туда, но не к существенному снижению газопотребления в Европе. В первом квартале 2009 г. потребители в странах ЕС максимально использовали газ, ранее накопленный в подземных хранилищах, а также нарастили импорт от альтернативных поставщиков, в том числе Норвегии; эти поставки быстро увеличивались. Это вполне понятно, поскольку брать газ из подземных хранилищ в этот период было дешевле (он закачивался в них в период более низких цен на газ). Ценообразование российских поставок до сих пор таково, что реакция цен на газ по долгосрочным контрактам на изменение нефтяных цен запаздывает. Потребители же всегда хотят купить товар подешевле. Ряд поставщиков СПГ вынужден поставлять газ по спотовым ценам, которые оказались значительно ниже цен, предусмотренных нашими долгосрочными контрактами.

Нельзя сбрасывать со счетов и политический фактор, когда в большей мере берется газ у других поставщиков, которые считаются более дружественными. Параллельно надо отметить, что заложенные в контракты очень большие лаги сыграли против нас. Этот фактор вполне можно изменить и сделать систему ценообразования более гибкой. В целом нам надо стремиться воздействовать на рынки – как нефтяной, так и газовый. Нам нельзя быть пассивными участниками ни того, ни другого.

Академик А.Э. Конторович поднял чрезвычайно важный вопрос о развитии в нашей стране газопереработки и газохимии, построенной на продуктах переработки газа. Это по ряду направлений гораздо более эффективная цепочка процессов, чем нефтепереработка. Так сложилось, что в Европе нет газохимии, потому что никто не поставлял на эти рынки в нужных объемах соответствующие продукты – этан, сжиженные углеводородные газы. В СССР и России это было вызвано тем, что у нас разрабатывались преимущественно сеноманские залежи, в которых преобладает “сухой” газ – практически чистый метан. В перспективе же у нас будет преобладать газ, богатый “жирными” компонентами.

Еще в 1990-е годы западные эксперты постоянно спрашивали нас, почему мы избегали использования этих ресурсов? Причина состоя-

ла в том, что их сложно перерабатывать. Сейчас же мы сталкиваемся с необходимостью создания по существу новой отрасли. Конечно, это потребует значительных инвестиций, но они в конечном результате дадут дополнительные доходы, причем по всей цепочке газопереработки и газохимии.

Теперь несколько слов в отношении инноваций. Я оказался связан с инновационной деятельностью именно в сфере газопереработки. Мы создали очень эффективную собственную технологию, которая уже сейчас используется в ведущих компаниях – “Газпроме» и “Роснефти”. К сожалению, по опыту могу сказать, что создавать в наших условиях новые технологии и их реализовывать чрезвычайно, почти невыносимо сложно. Беда в том, что в стране нет реально действующей инновационной системы.

В отношении этой системы совершенно верно ставится вопрос о необходимости появления системных интеграторов, своего рода инновационных менеджеров, которые понимают как бизнес компаний, так и инновационный процесс, которые должны обеспечивать связь между теми, кто предоставляет финансовые ресурсы, и компаниями-пользователями инноваций. Действительно, если такая связка будет построена, то можно рассчитывать на прогресс в инновациях. Одновременно не надо преувеличивать достижения Запада, считать, что там все идеально выстроено. Отнюдь нет, там тоже есть “дыры” в инновационной системе. Это может быть предметом отдельного разговора. Но для нас этот вопрос жизненно важный, поэтому я надеюсь, что сейчас на него будет обращено серьезное внимание.

В частности, здесь может быть весьма интересен опыт Китая, где механизмы инноваций уже работают. Там создаются технологические центры, инновационные университеты; как известно, многие китайские специалисты, поработавшие на Западе, потом едут обратно работать в Китае. Осуществляются инвестиции в обучение десятков тысяч китайских студентов, которые учатся за рубежом в лучших университетах, а потом возвращаются на родину. Все это обязательно скажется в будущем.

Кроме того, как представляется, механизмы инновационного развития не обязательно должны базироваться на принципиально новых решениях и открытиях; на определенном этапе можно в значительной мере использовать адаптацию, масштабирование и развитие заимствованных у других достижений, что, например, продемонстрировала Япония.

Перейдем к вопросам потребления энергоресурсов. Действительно, долгое время их подавляющая доля предназначалась для “золотого

миллиарда". Сейчас же мы находимся в ситуации, когда, условно говоря, к нему могут прибавиться два "серебряных миллиарда", поскольку все увеличивающаяся доля населения развивающихся стран включается в число активных потребителей энергии. Это уже не только почти бесплатная рабочая сила, готовая работать за доллар в день. Согласно недавним сообщениям, средний китайский инженер, который раньше довольствовался зарплатой в 100 долларов в месяц, сегодня претендует на 500 долларов, поскольку на рынке труда квалифицированных инженеров не так много, а потребность в них большая.

Это часть нарождающихся "серебряных миллиардов", которые будут неуклонно наращивать свое потребление. Например, Китай уже стал крупнейшим автомобильным рынком в мире. Сейчас там производится порядка 8 млн. автомобилей в год. Рынок произошел примерно за 5–7 лет. Это абсолютно феноменальное явление. Вспомним и то, что сейчас Китай потребляет порядка 50% мирового цемента. Нарождающийся средний класс в развивающихся странах – важнейший фактор конфигурации нового мира, в котором потребление энергоресурсов будет играть важнейшую роль.

Если говорить о кризисе, в котором оказался мир в последнее время, то надо признать также провал большинства экономических теорий и догм, приведший к провалу регулирования рынков. Как оказалось, нет убедительной теоретической модели современной глобальной экономики, которая объясняла бы ее основные характеристики и обладала бы прогностической силой. Такая модель крайне необходима.

В целом имеет место кризис не либеральной экономики, а крайних форм либерального подхода. Либертарианцы утверждали, что не надо ничего регулировать, потому что якобы невозможно регулировать человеческую деятельность – она слишком сложна и недетерминирована. Этот подход практически реализовывался в последние десятилетия, когда государство отошло не только от участия в экономике, но и от регулирования экономических процессов.

Как оказалось, даже либерализованный рынок сам требует регулирования. Откуда взялись все эти производные финансовые инструменты? Дело в том, что участники рынка, чувствуя огромные и разнообразные риски деятельности на глобализованном и либерализованном рынке, стали ощущать потребность в механизмах их снижения. Появление многочисленных вторичных инструментов не навязывалось участникам рынка, у них имелась собственная потребность в купировании рисков. Те, кто предлагал соответствующие инструменты, делал это отнюдь не в ущерб себе, в каком-то смысле они надували потребителей, предлагая хеджирование их рисков по чрезмерно низким ставкам.

Правда, если посмотреть на ситуацию объективно, то становится ясно, что полностью рассчитать масштаб рисков и, соответственно, цену их снижения или исключения практически невозможно. Анализ приходится основывать на субъективных оценках вероятности наступления тех или иных событий. При этом невозможно, по крайней мере при существующем инструментарии, учесть положительные обратные связи, в том числе вызванные стадным поведением участников рынков.

На либерализованном рынке расцвели причудливые финансовые продукты, авторы которых утверждали, что в них все учтено за счет рейтингов и прочих показателей. Это утверждение находилось в полном противоречии с исходным посылом либертарианцев, что такой учет невозможен (да и со здравым смыслом также). Парадоксально, во-первых, что либерализованный рынок потребовал создания продуктов и прогнозов, которые снижали бы риски работы на нем. И, во-вторых, выяснилось, что такие продукты создать не удастся.

Признание этих фактов, как представляется, – это один из важнейших уроков нынешнего кризиса.

Сложившаяся в предшествующий период модель не будет работать и, наверное, отомрет. Это ни в коей мере не означает, что отомрет рынок, что отомрут рыночные отношения. Будет найден новый баланс между свободой действий субъектов рынка и форм ограничения этой свободы.

В Соединенных Штатах, как известно, в конце 1990-х годов имел место технологический бум, потом случился бум недвижимости. Технологический бум, как очень хорошо сказано в докладе академика Н.А.Симонии, был попыткой через интеллектуальные информационные технологии двинуть вперед прогресс экономики в целом. Однако, как совершенно верно заметил М.В. Ковальчук, темпы технического прогресса в мире снизились. Ощущается неудовлетворенность достигнутыми за его счет результатами.

То разделение труда, которое было придумано как один из основных компонентов глобализации, когда в развивающихся странах работник с достаточной квалификацией будет производить за доллар в день массовые продукты, а развитый мир будет производить интеллектуальные, инновационные продукты (а также оставаться источником промышленных инвестиций в развивающиеся страны и глобального менеджмента, включая финансовый), не сработало, потому что этих продуктов развитого мира оказалось недостаточно, чтобы сбалансировать отношения между двумя мирами. Сейчас страны развивающегося мира, прежде всего Китай, вкладывают огромные средства в собственные ин-

новации, в новые технологии. Они не хотят занимать уготованное им Западом место быть его пассивным придатком.

Поэтому очень непросто и вопрос о месте России в формирующемся новом мире, который все больше усложняется.

Правомерно поставить и ряд других вопросов, в частности:

– насколько в дальнейшем будет глобально (прежде всего развивающимся миром) востребован западный финансовый менеджмент, по репутации которого кризис ударил столь серьезно;

– будет ли выход их кризиса сопряжен с процессом по крайней мере частичного снижения глобальных дисбалансов, что создаст некую подушку для смягчения фундаментальных рисков и нестабильности современной мировой экономики. Если ответ будет положительным, то, по-видимому, это будет сопряжено со снижением сложившегося в предкризисный период уровня потребления в США, что само по себе создаст предпосылки замедления процесса восстановления мировой экономики. Вместе с тем, видимо, такая траектория развития имела бы более здоровый характер, чем стимулирование избыточного потребления, и, соответственно, формирование новых “пузырей”.

После краха “интернет-пузыря” было необходимо создать новые источники привлекательности для инвестиций в США – и рынок недвижимости сыграл свою роль. При этом была смягчена финансовая политика и введены стимулы для расширения этого рынка. Общеизвестно, что возникший на нем “пузырь” оказался первичным фактором нынешнего кризиса. Мне кажется, что для будущего важна глубина этих “пузырей” и масштабы их последствий. Разрушительные “пузыри”, как мы видим сейчас, могут привести к неприемлемым для экономики последствиям. Конечно, необходимы драйверы роста, то, что привлекает инвестиции. Но нам не может нравиться экономика, которая в принципе не способна развиваться без постоянного создания новых масштабных «пузырей».

Стоит обратить внимание на выступление нобелевского лауреата Э. Фелпса, который осенью 2008 г. сказал следующее: в США позади два бума, два “пузыря”, а впереди не видно ничего, что могло бы стать третьим “пузырем” как новым стимулом роста для американской экономики. Поэтому он предлагал предпринять долгосрочные меры по повышению конкурентоспособности экономики США путем улучшения системы образования, снижения за счет программ переподготовки прослойки граждан, выпадающих из трудового баланса (по-видимому, чтобы расширить слой низкооплачиваемых, но достаточно квалифицированных “синих воротничков”).

Можно заметить, что такого рода меры вошли в программу нового президента Б. Обамы. Правда, они имеют долгосрочный характер и не обеспечат быстрого результата в смысле прямого каталитического воздействия на экономику. Интересно, что в программе Б. Обамы появился еще один элемент, а именно “зеленая Америка” – энергосбережение, альтернативные энергоресурсы и новые технологии. Можно предположить в качестве гипотезы, что это попытка обозначить направление формирования следующего “пузыря”, причем “пузыря” отнюдь не в плохом смысле этого слова. К этой сфере будет привлечен интерес рынка, за счет государственного содействия к этому направлению бизнеса в него будут сделаны огромные инвестиции.

Как верно отметил академик Н.А. Симония, технологические инвестиции конца 1990-х годов сразу не сработали, но их результаты видны сейчас. В тот период были, например, созданы явно избыточные мощности оптоволоконной связи, которые сначала использовались где-то на 3%. Они позволили развить фактически без ограничений ресурсы Интернета, который сейчас используется миллиардами людей и преобразил глобальное информационное пространство.

Возможно, так же случится и с альтернативной энергетикой. Будут потрачены большие средства, они, может быть, не дадут быстрых масштабных результатов, но будут иметь долгосрочные последствия. Логика событий может состоять в том, что пусть сгорят капиталы не очень умных частных инвесторов, но в результате будет обеспечен определенный хозяйственный рывок. Потребность в этом рывке ощущается очень остро, в США (а теперь уже и в других развитых странах) растет понимание того, что этот рывок необходимо осуществить – возможно даже с частичным участием государства (может быть, не очень эффективным, но в период кризиса все равно речь идет о направлении в экономику огромных ресурсов), активным привлеченных частных инвесторов, часть из которых окажется неудачниками и пострадает.

Представляется, что к этим инициативам надо относиться серьезно. Нобелевский лауреат Э. Фелпс по сути признал, что американская экономика не может развиваться без “пузырей”. План новой администрации США, если предположить, что она разделяет такую точку зрения, заключается в том, чтобы использовать этот подход для усиления своих позиций в посткризисном мире, создав основы для модели дальнейшего роста.

Относительно современных энергетических рынков нельзя не признать то, что они, конечно, волатильны, причем эта волатильность им внутренне присуща. Экономические теории, гласящие о том, что рынки стремятся к равновесию, основаны на анализе поведения товарных рын-

ков. На них покупатели и поставщики стремятся к равновесию. Это их объективное желание, потому что при определенных условиях это наилучшая для них ситуация. Но разве участникам современных финансовых рынков интересно достижение и поддержание их равновесия? Нет. Им интересен именно отход от равновесия, поскольку при этом они получают доходы. Надо еще раз проанализировать теорию равновесия рынков; представляется, что на финансовых рынках она не действует.

Мы живем во время, когда и на мировом нефтяном рынке действуют преимущественно финансовые игроки; известно, насколько высока их доля на этом рынке. К середине 2009 г. финансовые игроки снова вышли на этот рынок. Как представляется, их активность является частичным объяснением нового роста цен. Объективные экономические факторы, фундаментальная экономика не объясняют того, почему цены так выросли.

По-видимому, можно выделить следующие факторы этого роста.

Первый из них – это признание рынком роли ОПЕК (а также России, которая действует в определенной координации с ОПЕК) в том смысле, что к ведущим поставщикам нефти надо относиться серьезно, в том числе к их заявлениям, что они не будут “заливать” рынок своим продуктом по любой цене. Академик Н.А.Симония указывал на слабые стороны ОПЕК и ограниченность ее влияния на цены. Это, конечно, так, но лучшего стабилизатора пока нет! И, как мы видим, ОПЕК реально влияет на цены и уводит финансовых игроков от сверхрисковых стратегий.

Второй фактор состоит в том, что уже примерно обозначилась динамика кризиса и его масштаб. Поэтому, как отмечают специалисты по финансовым рынкам, проснулся интерес к риску, то есть стали активнее действовать те, кто готов вкладываться в инструменты нефтяного рынка, потому что если крах экономики не произойдет, то, наверно, будут расти нефтяные цены, поскольку потребность в нефти в перспективе возрастет.

Действует и третий фактор – снова появились свободные денежные ресурсы, они сейчас выплескиваются на рынок в огромных объемах. Они ищут приложения, выходя на финансовые рынки, а современный нефтяной рынок – это по своей сути часть финансового рынка.

Таковы примерно факторы нынешнего роста. Но что делать России дальше? Неужели полностью зависеть от этих в целом объективных проявлений сложившегося рынка? Конечно, нет. Российская сторона выдвинула ряд конкретных предложений, которые Игорь Иванович Сечин представил на последних встречах ОПЕК (ИЭФ участвовал в их подготовке). Речь идет о создании региональных торговых площадок для тор-

говли физическими поставками нефти соответствующих сортов (торговля может осуществляться путем двусторонних сделок аукционного типа). Иначе говоря, предлагается определенный возврат к системе физической торговли нефтью как основе ценообразования, потому что все остальные инструменты являются лишь надстройкой над тем, что, согласно экономической теории, должно служить основой формирования рыночных цен, – равновесием спроса и предложения. Соответственно, должны быть созданы места, где это равновесие выявляется, а поставщики и покупатели фиксируют его посредством своих сделок. Все остальное (включая торговлю фьючерсами и другими производными инструментами) в принципе предназначено для того, чтобы сделать ценообразование более предсказуемым, менее изменчивым и волатильным.

На деле получилось ровно наоборот – на основных нефтяных торговых площадках (*NYMEX* и других) не происходит никакого сравнения спроса и предложения. Даже генеральный секретарь ОПЕК признает, что не знает, какое сейчас существует соотношение спроса и предложения нефти; даже он не имеет достаточной информации об этом важнейшем показателе. Это абсолютно ненормальная ситуация, причем это проблема не информационных технологий, которые сейчас развиты очень сильно.

Значит, нужно создать такую информационную среду (производители, конечно, в этом очень заинтересованы), чтобы ситуация на рынке была достаточно прозрачной, чтобы не надо было гадать на кофейной гуще относительно соотношения спроса и предложения. Пока же решения ОПЕК носят в чем-то характер догадок и прощупывания: снизим предложение нефти настолько-то – может быть, этого окажется достаточно. Необходима система, в которой будет ясно, как достигать равновесия спроса и предложения по устраивающим стороны ценам. Если производителя не устраивают очень низкие цены, он может не поставлять ресурсы. Если покупатели готовы платить – они платят. Это очень простые принципы, но ведь нефтяная торговля, к сожалению, в предыдущий период от этого полностью ушла.

Таким образом, наши предложения направлены на то, чтобы влияние производителей на цены перешло из косвенного (через поведение брокеров и стоящих за ними финансовых игроков) в прямое – через соотношение спроса и предложения, регулируемое на торговых площадках.

Кроме того, что современный нефтяной рынок волатилен, он еще и краткосрочен, то есть все инструменты и стимулы на нем краткосрочны, как на большинстве сформировавшихся финансовых рынков. Это противопоставлено инвестиционным процессам с длительным циклом,

прежде всего энергетике. Мы знаем последствия того, как это сказывается на нашем бюджете, например. Но надо отметить еще более серьезную вещь, связанную с инвестиционной перспективой.

После того, что произошло с нефтяными ценами в конце 2008 – начале 2009 г., в течение нескольких лет финансовые ресурсы будут вкладываться только в проекты, которые экономически эффективны при достаточно низких нефтяных ценах, например, уже при цене в 30 долл./барр. Если посмотреть на предыдущий кризис конца 1990-х годов, то тогда наблюдалась очень интересная ситуация: экономика уже вышла из кризиса, отмечался рост потребления энергоресурсов, цены стали расти, а восстановление масштабов бурения шло с запаздыванием в несколько лет, поскольку никто не спешил вкладываться в дорогостоящее бурение, в том числе в трудные источники нефти и газа в Соединенных Штатах или Канаде, потому что не было гарантий, что цена снова не упадет.

Проявившиеся в нынешних условиях риски приведут к тому, что реализовывать сложные проекты опять будет очень трудно; это скажется и на России, потому что финансисты будут тестировать наши инвестиционные проекты в отношении их жизнеспособности при низких нефтяных ценах. Нельзя, в принципе, допускать в дальнейшем этих резких ценовых скачков, потому что они просто губительны. Самые прозорливые из покупателей уже начинают это понимать. Поэтому важнейшая комплексная цель – стабилизация нефтяного рынка и энергетических рынков в целом, а для этого надо иметь инструменты такой стабилизации. Для этого, в частности, надо иметь резервы нефти, национальный резерв, что, в частности, создаст возможности обеспечения гибкости объемов поставок. Этим начинали заниматься в 2002 г., но потом наступил период высоких цен, и эти разработки не были востребованы. Это может быть и государственный резерв, и резервы корпораций; все должно работать совместно. Наличие этих инструментов позволит производителям эффективно участвовать в формировании цен. Это не значит диктовать цены, но участвовать в их формировании, что, конечно, правомерно.

Важны также инструменты построения долгосрочных контрактных отношений. Мы видим, как сами участники рынка ищут и развивают эти механизмы – отметим, например, договоренность “Роснефти” и “Транснефти” с Китаем. При этом Китай готовит и осуществляет и другие договоренности такого типа, а также развивает свою систему резервирования нефти и нефтепродуктов.

Следующий вопрос – о месте России в меняющейся системе глобальной энергетике. Очень хорошо, что сейчас не слышно термина, который одно время был очень популярен, – “энергетическая сверхдержа-

ва”, потому что он указывает на неверные акценты. Если Катар имеет газовые ресурсы, сопоставимые с разведанными газовыми запасами РФ, если Туркмения может сравниться с РФ по экспорту газа, а Венесуэла имеет больше ресурсов нефти, то этот термин сомнителен. Конечно, мы – гиганты в энергетике, нет сомнения. Но не надо, как кажется, давить на чисто количественную сторону вопроса.

Мы можем быть лидерами в мировом энергетическом сообществе, лидерами по совокупности факторов и направлений. Но это вещь, которая, как говорится, не наследуется. Пока что мы во многом используем то, что унаследовали от СССР газо- и нефтетранспортную систему, активно эксплуатируем их и частично развиваем.

А быть настоящим лидером – значит быть им не только в сегодняшнем, но и в завтрашнем мире, причем по целому ряду направлений – технологическому, инновационному, дипломатическому. Нужно выработать наши собственные инициативы по развитию и структурированию мировой энергетической системы. Эта работа только начата. При разработке Энергетической стратегии РФ мы попытались заложить в ее международную часть такие принципы. Давайте поставим, может быть, задачу – быть и оставаться в долгосрочной достаточно перспективе лидерами мирового энергетического сообщества.

Если учесть наш потенциал – интеллектуальный, ресурсный, промышленный, инновационный и так далее, то у нас для этого есть все предпосылки. При этом не ставится задача занять чье-то место, потому что, по сути, это место пусто. Нет сейчас мирового лидера в энергетике. Нет такой страны, которая могла бы все это соединить. Это и не ОПЕК, при всем уважении к ней. Это и не страны-потребители, потому что они хотят, чтобы таким лидерами были транснациональные компании, во многом представляющие их интересы, чтобы совместно с ними диктовать в каком-то смысле политику странам-поставщикам. Но роли меняются. Роль транснациональных корпораций тоже меняется, при том, что они в целом важны для отрасли. И, как представляется, место лидера вполне может занять Россия.